

ДОМ НА ГОРОХОВОЙ

Николай Фёдорович Блохин родился 5 января 1952 года на Ставрополье. Окончил Ростовский-на-Дону государственный университет, работал в средствах массовой информации Ставрополя, Волгограда, Луганска, Киева корреспондентом, заведующим отделом, ответственным секретарём, редактором. Публиковался в журналах «День и Ночь», «Дон», «Зарубежные записки», «Зинзивер», «Литературная Адыгея», «Нева», «Нижний Новгород», «Подъём», «Сибирские огни», «Сибирь», «Сура», «Урал» и др. Автор трёх десятков книг. Лауреат российских и украинских журналистских премий. Член Союза журналистов России. Член редколлегии альманаха «Литературное Ставрополье». Живёт в Ставрополе.

Дом на улице Гороховой, вошедший в русскую литературу девятнадцатого века как «Дом Потомственного почётного гражданина Парфёна Рогожина» — одного из главных героев романа «Идиот», над которым Достоевский работал в 1867-1869 годах, сохранился до наших времён. Значится он под сорок первым номером, неподалёку от перекрёстка с улицей Садовой. Жителям Петербурга времён Достоевского он был известен «по своей особенной физиономии».

Вот как его описывает Фёдор Михайлович: «Дом этот был большой, мрачный, в три этажа, без всякой архитектуры, цвета грязно-зелёного. Некоторые, очень, впрочем, немногие дома в этом роде, выстроенные в конце прошлого столетия, уцелели именно в этих улицах Петербурга (в котором всё так скоро меняется) почти без перемены. Строены они прочно, с толстыми стенами и с чрезвычайно редкими окнами; в нижнем этаже окна

иногда с решётками. Большею частью внизу меняльная лавка. Скопец, заседающий в лавке, нанимает вверху. И снаружи и внутри как-то негостеприимно и сухо, всё как будто скрывается и таится, а почему так кажется по одной физиономии дома — было бы трудно объяснить. Архитектурные сочетания линий имеют, конечно, свою тайну».

Замысел романа «Идиот» возник во время поездки Достоевского по Германии и Швейцарии. Черновые наброски романа Достоевский сделал в Германии: первая запись к нему датируется 14 сентября 1867 года. Достоевский работал над романом в Женеве, Милане, закончил его во Флоренции 29 января 1869 года. На площади перед палаццо Питти на одном из домов Флоренции сегодня висит мемориальная табличка, извещающая туристов, что здесь Ф.М. Достоевский написал роман «Идиот». Правда, информация не совсем точная.

Публикация романа в России началась в январе 1868 года. В издаваемом М.Н. Катковым журнале «Русский вестник» — одном из наиболее влиятельных литературных и общественно-политических журналов России второй половины XIX века — роман «Идиот» печатался на протяжении всего 1868 года. Роман напечатан в 1-2 и 4-12 номерах. Главы VIII-XII напечатаны редакцией в виде приложения к журналу и разосланы подписчикам «Русского вестника» 1868 года с извещением о том, что

«автор, находясь за границей, замедлил доставкой рукописи». Публикация романа «Идиот» вызвала неподдельный интерес в общественной и литературной жизни России. В третьей и четвертой главах второй части романа Достоевский рассказывает о посещении князем Мышкиным дома на Гороховой. Ещё в те времена читатели искали дом Потомственного почётного гражданина Парфёна Семёновича Рогожина.

В домах на Гороховой жили в основном торговые люди. Но не только они. В доме С.В. Орлова-Давыдова на Гороховой жил известный русский композитор Михаил Глинка, его мать с сестрой. Здесь композитор дописывал оперу «Руслан и Людмила». А в доходном доме Гиллерме снимал просторные апартаменты Модест Чайковский, младший брат знаменитого композитора. Непродолжительное время — с 10 по 25 октября 1893 года — жил в этом доме и Пётр Ильич Чайковский, снявший здесь небольшую комнату. Её окна выходили на Малую Морскую. Заболев холерой, Чайковский и умер в этой квартире.

Напротив дома Гиллерме стоял дом «Пиковой дамы», где, по преданию, жила героиня одноимённой повести Александра Пушкина.

Своя тайна была и у дома под сорок первым номером на улице Гороховой. Подходя к дому, князь Мышкин сомневался, стоит ли ему нанести Рогожину

визит, который был для него «в некотором отношении рискованным». Перестав колебаться, князь Мышкин отворил стеклянную дверь и увидел парадную лестницу, ведущую на второй этаж. Князю было известно, что Рогожин, его мать и брат Семён Семёнович занимали весь второй этаж этого мрачного дома. Поднимаясь по тёмной каменной лестнице, князь обратил внимание, что стены её покрашены в красный цвет. Стены же парадного зала, через который князя провёл слуга, напротив, были «под мрамор». Достоевский подробно останавливается на описании внутреннего убранства дома: дубовый пол, грубая и тяжёлая мебель двадцатых годов девятнадцатого столетия.

Большая комната, в которой князь Мышкина принял Рогожин, высокая, темноватая, заставлена мебелью: столами, бюро, шкапами с деловыми книгами и бумагами. И красный широкий сафьяновый диван, который, видимо, служил Рогожину и постелью. Как отмечал историк Сергей Соловьёв, «статистика показывает, что красный цвет занимает в спектре Ф.М. Достоевского очень высокое место — 23,8 %, т. е. около четверти всех упоминаний цветов».

На столе, за который Рогожин усадил князя, лежали две три книги. Одну из них князь узнал. Это была «История России с древнейших времён» Сергея Соловьёва. Прочитать её Рогожину, до этого не читавшему

книг по всеобщей истории, посоветовала Настасья Филипповна Барашкова — красивая женщина из дворянской семьи, судьба которой вызывает жалость и сострадание князя Мышкина. В конце концов, она погибнет в мрачном доме Рогожина.

На стенах в доме Рогожина висели тёмные, закоптелые масляные картины в таких же тусклых золочёных рамах, содержание которых князь не смог разобрать. Его впечатлил лишь портрет человека лет пятидесяти, «с очень редкою и коротенькою седоватою бородкой, со сморщенным и жёлтым лицом, с подозрительным, скрытным и скорбным взглядом». Одет он в длиннополый сюртук немецкого покроя, две медали на шее.

Князь предположил, что это портрет отца Парфёна Рогожина. И не ошибся. Рогожин скажет: «Он самый и есть». Но не на портрете отца и не на портретах архиереев, не на тёмных пейзажах заострит внимание князь Мышкин.

После трудного разговора о предстоящей свадьбе с Настасьей Филипповной Рогожин провожает князя Мышкина. Идут через те же комнаты: Рогожин впереди, князь Мышкин следом за ним. Проходя через большую залу, Лев Николаевич мельком взглянет на картину, висевшую над дверью в следующую комнату: «...довольно странная по своей форме, около двух с половиной аршин в длину и никак не более шести вершков в высоту».

Искусствоведы пишут, что в современных исчислениях длина картины около двухсот сантиметров, а высота не более тридцати сантиметров.

На картине изображён Спаситель, только что снятый с креста. И в его окружении ни одного человека. Только он, Христос, навсегда закончивший свой земной путь. Вот как описывала Христа, точнее, его тело, искусствовед Ирина Опимах: «На картине — труп, со всеми признаками разложения. Вытянутая форма картины ещё более усиливает впечатление. Ужасны закатившиеся зрачки, страшен оскал рта. Чернеющие ноги и руки, вокруг ран — синеющие круги. В этом теле нет ничего божественного, в нём нет Бога, а лишь умерший от мук человек. Умерший и — покинутый всеми. Он один перед небытием. И нет никакой надежды на спасение».

Не останавливаясь и что-то припоминая, князь Мышкин хотел поскорее покинуть мрачный дом Рогожина. Но Рогожин сам остановился у картин и стал рассказывать историю их покупок. Покойный отец Рогожина покупал их на аукционах — где за рубль, где за два. Но все картины оказались дрянными, считает Парфён Семёнович. Лишь одна ст ящая, над дверью. Куплена тоже за два целковых. За эту картину семейству Рогожиных некоторые купцы предлагали триста пятьдесят, четыреста и даже пятьсот рублей. Но картину Парфён Рогожин «за собой оставил».

Князь Мышкин, посмотрев ещё раз на картину, прервал рассказ Рогожина: «Да это... это копия с Ганса Гольбейна, и хоть я знаток небольшой, но, кажется, отличная копия. Я эту картину за границей видел и забыть не могу...»

По оценке литературоведов, картина Ганса Гольбейна-младшего «Мёртвый Христос» или «Христос в гробу» — один из важнейших художественных образов в романе Достоевского «Идиот». Она упоминается в романе не один раз. Рогожин говорит, что «любит смотреть на эту картину». «На эту картину! — в ужасе кричит князь. — Да от этой картины у иного вера может пропасть!»

Рогожин соглашается с князем: «Пропадает и то».

У Рогожина «вера пропадает»... Не от того ли, что смотрит на странную картину Ганса Гольбейна-младшего? Нет, успокаивает себя князь: «Рогожин не одна только страстная душа; это всё-таки боец: он хочет силой воротить свою потерянную веру. Ему она до мучения теперь нужна... Да! во что-нибудь верить! в кого-нибудь верить!»

О картине Ганса Гольбейна впервые рассказал в «Письмах русского путешественника» Николай Карамзин. Опубликованные в 1791-1292 годах, они долгие годы оставались самым популярным изданием для тех, кто собирался путешествовать по Европе и готов был повторить маршрут Карамзина. «Письма...»

Карамзина, вероятно, читал и перечитывал Достоевский. Особенно письма из Базеля, где Карамзин с восхищением рассказывал об увиденных им работах местного художника Ганса Гольбейна-младшего.

В базельской публичной библиотеке Карамзину показали редкие рукописи и древние медали, ценность которых в те времена могли определить только антиквары и нумизматы. Карамзина же, как писал он, больше восхитили работы «славного» Ганса Гольбейна-младшего, жителя Базеля.

Художник родился в Баварии, в городе Аугсбурге, неподалёку от Мюнхена. Древний Аугсбург славился изделиями своих ремесленников — ткачей, оружейников, литейщиков, ювелиров. Но он известен ещё и тем, что здесь родился Леопольд Моцарт, отец всемирно известного композитора Вольфганга Амадея Моцарта.

Точная дата рождения Ганса Гольбейна-младшего неизвестна. Считается, что произошло это событие зимой 1497-1498 года. Его отца тоже звали Ганс Гольбейн, и он был художником. В Аугсбурге ему принадлежал дом и собственная художественная мастерская, приносящая неплохие доходы.

Первые уроки живописи Ганс Гольбейн-младший получил от отца. У Ганса был старший брат Амброзиус, тоже ставший художником. Когда Амброзиусу исполнился двадцать один

год, а Гансу Гольбейну-младшему — восемнадцать, Ганс Гольбейн-старший переехал в Базель. Что подвигло семейство Гольбейнов покинуть дом предков, точно не известно. По одной из версий, отца обвинили в неуплате налогов. По другой, Гольбейнов привлекла творческая богема, царившая в те времена в Базеле: университет, основанный в 1459 году, мастерские художников, книгопечатание, музеи.

В Базеле Ганс Гольбейн-младший обрёл много друзей среди издателей, писателей, художников, философов. После скоропостижной смерти старшего брата, последовавшей в 1519 году, вскоре, в 1524 году, умирает отец Ганс Гольбейн-старший.

Ганс Гольбейн-младший полностью отдаётся творчеству. Он много пишет. Художник брался за любую работу: изготавливал гравюры для книжных издательств, проектировал витражи, расписывал фрески, писал портреты немецких купцов, хозяев торговых лавок...

Портретная живопись — самое популярное направление в искусстве того времени. Ганс Гольбейн-младший специально ездил в Италию, где изучал творения итальянских мастеров. В эти годы он создаёт портреты своих современников: мэра города Базеля Якоба Мейера, базельского типографа и издателя Иоганна Фробена, юриста, профессора, композитора Бонифация Амербаха, назначенного в 1525 году профессором права в Базельском

университете, пишет «Дармштадтскую мадонну».

Но славу живописца Гансу Гольбейну-младшему принёс портрет Эразма Роттердамского — филолога, богослова, сатирика и педагога, «Похвала глупости» которого сделала его литературной знаменитостью на века. «Портрет Эразма Роттердамского» кисти Ганса Гольбейна-младшего — едва ли не лучшая картина молодого художника в этом жанре. С рекомендательным письмом Эразма Роттердамского он отправляется сначала во Францию. Но, не найдя хорошо оплачиваемых заказов, в 1526 году он едет в Англию к лорду-канцлеру, автору книги «Утопия», 48-летнему Томасу Мору, находившемуся в зените славы. Сначала Ганс Гольбейн-младший пишет портрет Томаса Мора, затем портрет большой семьи Томаса Мора. На картине запечатлено одиннадцать человек.

Томас Мор представил талантливого живописца королю Англии Генриху VIII. С 1536 года Ганс Гольбейн-младший пишет парадные портреты короля, его жён, герцогов, придворных, иностранных послов. В Лондоне художник работал в мастерской, которая располагалась в надвратной башне королевского замка Уайтхолл. У него появились деньги, за которые он смог купить дом в Базеле, затем второй, в который наведывался периодически. Там оставалась его семья. Он женился в 1520 году на молодой вдове, у которой был

сын. Брак с ней оказался удачным: Ганс Гольбейн-младший получил гражданство Базеля и стал полноправным членом гильдии городских художников. В браке у него родились двое собственных детей: сын и дочь, запечатлённые на картине «Семья художника».

Художник находился в зените славы, когда в Лондон пришла чума. Она унесла жизни многих лондонцев. Но самой известной жертвой эпидемии оказался Ганс Гольбейн-младший. Художник умер 29 ноября 1543 года. От роду ему было 46 лет. Похоронен в Лондоне. Место захоронения неизвестно.

После него осталось огромное количество полотен, которые разлетелись по всей Европе и за её пределы. Работы Ганса Гольбейна-младшего сегодня хранятся в художественных и национальных галереях и музеях Берлина, Вены, Денвера, Дрездена, Лондона, Мадрида, Нью-Йорка, Парижа... Но не они восхитили Карамзина.

«Какое прекрасное лицо у Спасителя на вечери! Иуду, как он здесь представлен, узнал бы я всегда и везде. В Христе, снятом со креста, не видно ничего божественного, но как умерший человек изображён он весьма естественно. По преданию рассказывают, что Гольбейн писал его с одного утопшего... Страсти Христовы изображены на восьми картинах, — писал Карамзин о картине «Христос в гробу». — Знатoki говорят о сем живописце, что фигуры его

вообще весьма хороши, что тело писал он живо, но одежду очень дурно...» — вспоминал Карамзин. Художнику было двадцать три года, когда он создал это бессмертное полотно.

В ратуше Базеля Карамзин увидел целый зал, расписанный альфреско Гольбейном. В ограде церкви Святого Петра, на стене за решёткою, сохранился «Танец мёртвых», автором которого считают Гольбейна. «Смерть ведёт на тот свет людей всякого состояния: и папу и нимфу радости, и короля и нищего, и доброго и злого, — писал Карамзин. — Не будучи знатоком, могу сказать, что, конечно, не одно воображение и не одна кисть произвели сей ряд фигур: столь хороши некоторые и столь дурны прочие! Я заметил три или четыре лица, весьма выразительные и, конечно, достойные левой Гольбейновой руки. Впрочем, вся картина испорчена воздухом и сыростию...»

Достоевскому ещё предстояло встретиться с картиной Ганса Гольбейна-младшего. Обручившись 15 февраля 1867 года в Измайловском Троицком соборе Санкт-Петербурга с двадцатилетней Анной Сниткиной — стенографисткой и переписчицей романа «Игрок», писатель вскоре отправился в Европу. Следует подчеркнуть, что это был четвёртый заграничный вояж писателя. Первый раз Достоевский побывал в Европе в июне-октябре 1862 года: исколесил Германию, путешествовал по Швейцарии,

Италии, Франции, Англии. В следующем 1863 году — с 16 августа по 3 ноября — посетил Германию, Швейцарию, Италию. В июле-октябре 1865 года останавливался в Висбадене и Копенгагене. Конечной целью четвёртой поездки 1867 года была Швейцария.

По пути в Женеву Фёдор Михайлович и Анна Григорьевна на два дня остановились в Берлине. Затем отправились в Дрезден, где жили почти два месяца. В Дрездене супруги посетили Дрезденскую картинную галерею, где Достоевский, минув все залы, повёл Анну Григорьевну к «Сикстинской мадонне» Рафаэля. Эту картину, как вспоминала Анна Григорьевна, Фёдор Михайлович считал «высочайшим проявлением человеческого гения». Впоследствии она видела, как Достоевский мог стоять перед этой поразительной красоты картиной часами.

В «Воспоминаниях» А.Г. Достоевская отмечала, что Фёдор Михайлович выше всего в живописи ставил произведения Рафаэля, чрезвычайно высоко ценил талант Тициана, испытывал высокое наслаждение от картин испанца Бартоломе Мурильо, итальянцев Антонио да Корреджо, Аннибале Карраччи, Помпео Батони, голландцев Якоба ван Рёйсдала (Рюисдаля), Рембрандта ван Рейна, француза Клода Лоррена, фламандца Антониса Ван Дейка, швейцарца Жана Лиотара.

По дороге в Женеву Достоевские остановились в небольшом

швейцарском городке Базеле, который называют воротами в Швейцарию. Анна Григорьевна вспоминала: «...мы остановились на сутки в Базеле, с целью в тамошнем музее посмотреть картину, о которой муж от кого-то слышал. Эта картина, принадлежавшая кисти Ганса Гольбейна, изображает Иисуса Христа, вынесшего нечеловеческие истязания, уже снятого с креста и предавшегося тлению. Вспухшее лицо его покрыто кровавыми ранами, и вид его ужасен. Картина произвела на Ф.М. подавляющее впечатление, и он остановился перед нею как бы поражённый...»

На супругу Достоевского картина произвела тяжёлое впечатление, и она ушла в другие залы музея. Когда же вернулась, то увидела Фёдора Михайловича, продолжавшего стоять перед картиной, как прикованного: «В его взволнованном лице было то, как бы испуганное, выражение, которое мне не раз случалось замечать в первые минуты эпилепсии». Анна Григорьевна потихоньку взяла Фёдора Михайловича под руку, увела в другой зал и усадила на скамью. Писатель понемногу успокоился, вспоминала Анна Григорьевна. Покидая музей, Достоевский настоял на том, чтобы ещё раз взглянуть на поразившую его картину. Пережитые Фёдором Михайловичем чувства он потом передаст в романе «Идиот» в реакции князя Мышкина, увидевшего картину «Христос в гробу»

в доме Рогожина, и в рассказе Ипполита — юноши, страдавшего чахоткой.

«Этот визит к Рогожину очень утомил меня, — рассказывал Ипполит. — Дом его поразил меня; похож на кладбище... Мне вдруг припомнилась картина, которую я видел давеча у Рогожина, в одной из самых мрачных зал его дома, над дверями... На картине этой изображён Христос, только что снятый со креста. Мне кажется, живописцы обыкновенно повадились изображать Христа и на кресте, и снятого со креста, всё ещё с оттенком необыкновенной красоты в лице; эту красоту они ищут сохранить ему даже при самых страшных муках. В картине же Рогожина о красоте и слова нет; это в полном виде труп человека, вынесшего бесконечные муки ещё до креста, раны, истязания, битьё от стражи, битьё от народа, когда он нёс на себе крест и упал под крестом, и наконец, крестную муку в продолжение шести часов... Правда, это лицо человека, только что снятого со креста, то есть сохранившее в себе очень много живого, тёплого; ничего ещё не успело заостенеть, так что на лице умершего даже проглядывает страдание... но зато лицо не пощажено нисколько... после таких мук. ...На картине это лицо страшно разбито ударами, вспухшее, со страшными, вспухшими и окровавленными синяками, глаза открыты, зрачки скосились; большие, открытые белки глаз блещут каким-то

мертвенным, стеклянным отблеском...»

В рассказе Ипполита чувствуется состояние, пережитое Достоевским, когда он рассматривал картину Ганса Гольбейна-младшего, запечатлевшего «труп измученного человека». Устами Ипполита Достоевский спрашивает: «...если такой точно труп (а он непременно должен был быть точно такой) видели все ученики его, его главные будущие апостолы, видели женщины, ходившие за ним и стоявшие у креста, все веровавшие в него и обожавшие его, то каким образом могли они поверить, смотря на такой труп, что этот мученик может воскреснуть?» Ипполиту мерещилось, что «люди, окружавшие умершего, которых тут нет ни одного на картине, должны были ощутить страшную тоску и смятение в тот вечер, раздробивший разом все их надежды...», что они «должны были разойтись в ужаснейшем страхе...» Ипполит спрашивает: как одолеть законы природы, если их не победил даже Он?

Картина «Христос в гробу» потрясла Достоевского и не отпускала, пока он работал над романом «Идиот».

Анна Григорьевна вспоминала, что осенью 1867 года Фёдор Михайлович «был занят разработкою плана и писанием романа «Идиот», который предназначался для первых книжек «Русского вестника» на 1868 год». О работоспособности Достоевского

говорит такой факт: после короткой поездки в октябре-ноябре 1867 года в Саксонию супруги вернулись в Женеву, и за двадцать три дня Фёдор Михайлович написал около шести печатных листов для январского выпуска «Русского вестника».

За роман «Идиот» издатель М.Н. Катков платил Достоевскому немного: всего лишь по полтора рубля за печатный лист. По воспоминаниям Анны Григорьевны, всего вышло около семи тысяч рублей. Деньги небольшие, если учесть, что три тысячи рублей ушло на свадьбу, а из оставшихся четырёх тысяч Достоевские платили проценты за заложенные в Петербурге вещи, оказывали помощь пасынку от первого брака Павлу Александровичу Исаеву и семье умершего в 1864 году старшего брата Михаила Михайловича Достоевского.

В своих сочинениях Достоевский больше не возвращался к картине Ганса Гольбейна-младшего. Размышляя на страницах романа «Идиот» о жизни и смерти, о человеке и вере, Фёдор Михайлович вспоминал Базель, городской музей и картину «Христос в гробу», которая оставила удивительно глубокий след в душе русского писателя, она одновременно отталкивала его и пленяла. Написанное в начале шестнадцатого века, в 1521 году, полотно Ганса Гольбейна-младшего «Христос в гробу» продолжает потрясать зрителей и через пять столетий.